

[ОГЛАВЛЕНИЕ]

<i>put-in</i>	5
Часть 1. Время смерти.....	38
Часть 2. День рожденья исповедника-1	174
Часть 3. Татарины	225
Часть 4. Спасти и уничтожить	380
Часть 5. Нож в мачте	500
<i>put-out</i>	578

put-in

“Mr. W. Bones mate”

“Billy Bones his fancy”

“No more rum”

“Off Palm Key he got itt”

“Bones, his pile”

→ вы не знаете меня, а я не знаю вас, но коль уж вы здесь, а я здесь и был, — я помогу вам увидеть звездолёт, склоняющийся в надримане над проксимой Центавра. Его зовут «Пётр Чайковский». Он квадроскорпусный шипоносец, построен всего десять средних лет назад над земной Луной; «Чайковский» завершает второй свой пунктир в зените и первый — автономный, называемый космонавтами «сам на себе», иначе — «шевелюра (Мюнхгаузена)». История у звездолёта недлинная, но насыщенная, но *теперь* ей не место, я расскажу её потом, позже, в другой раз год-другой спустя, — *людей* звездолёта я хочу показать вам, тотчас, сейчас, вот. Я представлю их вам прилежно и исполна, хоть мы с вами и незнакомы, и неинтересны друг другу, — но на «Чайковском» явились так неподалёку от Земли издали *люди*, намеренные Землю убить, и кто знает, что здесь удача? К кому она обернётся чрез шипастое плечо? К нам? Иль к правым?

Наблюдаем.

Звездолёт исчерпал инерцию и с минуты на минуту соскользнёт с пунктира в риман, и образуется. Ждём. Вот и сошёл он, и снова существует; курки у роботов звездолёта спущены, автоматика грузит звездолёт атмосферой, теперь и вы сможете дышать, идите за моим шёпотом, я помогу вам в тайном месте проникнуть сквозь обшивки, презреть все переборки и массивные отсечения объёмов по прямой к цели вашей экскурсии; не отвлекайтесь, помалкивайте, пора спешить, кислый свет проксимы разбудил «Чайковского», скоро восстанут и *люди*, у вас

есть всего полчаса, чтоб без помех осмотреться в одном из отсеков.

Вот, вам здесь.

Видите? прямо на палубе, прихваченный скобами к решётчатому настилу пола, — унимодуль, из тех, что пользуют пустолазы: мощный корпус, плотно запакванный в чехол из РСМ-ткани, такта под тканью, металлизированный яркий дисплей, из-за него унимодуль и замечается прежде всего в обширном отсеке: яркий неоновый маячок. На дисплее таблица состояний, поверх таблицы — медленно текущий из колбы в колбу обозначенных контуром часов песок, каждая песчинка взвешена и считана, каждой песчинке есть срок и приготовлено место в пирамиде внизу. Гроздь разноцветных световодов, в нескольких местах по пути перехваченная металлопластырем, от унимодуля тянется три метра к отваленной от переборки фальшь-панели и ныряет в недра стенного пакетника; видимые подключения тщательно и аккуратно изолированы тем же металлопластырем.

Освещение — ужé. Дежурный свет — два на десять. Ровный медлительный бактерицидный свет: когда видно всё, когда видеть некому, и ни одной значимой тени в отсеке — сепия, и отчуждённо сияет в ней неонем дисплей унимодуля, бросается в глаза; привыкайте.

Звездолёт дрейфует, собирается с мыслями в южном зените под проксимой, куда и был нацелен. Падение. От переборки к переборке, подобно звездолёту, медленно дрейфует, поворачиваясь вокруг своего эпицентра, пустая смятая упаковка от капы. Отсек уже наддут до шестисот миллиметров, дышите свободно. И пыли в отсеке скопилось не очень много. И почти не холодно. Но очень шумно. Шум никогда не победят гениальные конструкторы. Его могут отдалить только беруши.

Вот это (ых!-ых!-ых!) — климатизатор, включившийся сразу по финишу, месит старый тёплый тяжёлый

обрат двумя полуметровыми кулерами в притолочных кавернах. А это (и-ьи!-и-ьи! бам! ы-и...) — электромоторчик пылесоса, пытающегося стартовать из своей ниши в углу, взывает и осекается, ибо пылесос к себе манят и наличная пыль, и нештатная капина упаковка, но шторку ниши перекосило, и пылесос борется без разбега, бодая бессмысленно шторку. А это — гудение электрощитов силовой подстанции наркобокса. Скоро этому электричеству предстоит тяжёлая работа поднимать семитонные купола «кормушек» из бронированных шахт под отсеком.

Итак, периферийный наркобокс, в рабочем режиме, в дежурном свете, под атмосферой, в тепле; управление-контроль местное — с унимодуля (прихваченного к настилу). (Отметим эту странность.) На три «кормушки» наркобокс, загружены две. Срок их работы близится к концу, последние тысячи песчинок сочатся вниз по стенкам часов. Контрольные консоли «кормушек» 7-67 и 7-69 выступили из пола-переборки незадолго перед тем, как вы заглянули в отсек. Крышки мониторов на консолях управления-контроля «кормушек» откинута. Под пластиковой плёнкой дисплеи прилежно светятся в тональности дежурного освещения охрой и орехом (дисплей консоли «семьшестьдесят седьмой» слезится и фонит, по-видимому, подтёкши за время путешествия), дружно и одинаково рисуют ОК по состояниям.

Обычный наркобокс, рабочий, во время работы, с незначительно амортизированным оборудованием, чистый, герметичный, наддутый, а то, что от общей сети контроля отключён отсек, ну так — мало ли... Нет, нимало не мало. Вопросы должны возникнуть у сведущих людей, а кто скажет, не относимся ли и мы с вами к ним, сведущим? Ведь и мы можем спросить в точку: как объясняется расчлененная на мощных резинках ближе к настилу посередине отсека плащ-палатка Nike, за годы полёта (а было их три средних) сильно спустившая? Не входит в состав

оборудования наркобокса плащ-палатка. Зачем она тут? Загадка... И действительно — с шелестом *загадочным* реют в отсеке штанины раздёрнутого пакетного шлюза палатки. Что ж такое творится у нас тут в Космосе? Кто нарушил инструкцию? Да как! А если в палатке оставался именно воздух, а не что-то там инертное? В надримане — воздух! А пожар? Никому не интересно — пожар в надримане? Кто кушал — ничем больше не интересуется. Он испытал всё.

Похоже, я прав, и наркобокс действительно захвачен преступниками. Кому плевать на законы, кроме преступников? Только им, я знаю. Крепнет, крепчает возникшее подозрение, по-другому видятся в том же дежурном свете и унимодуль, и разобранная фальшь-панель, и странные стрелки, начерченные на полу белым маркером, вдруг осознаёт убаюканный сепией глаз. Казаки-разбойники. Известная и популярная игра на Трассе. В неё любят играть в подпалубах и лабиринтах техстволов молодые девственные космачи, — но нередко и успешно покинувшие девственность поддаются ностальгическому соблазну. Игра называется то «крысу-ловим-и-едим», то — «объект-конфета». В конфетном случае имеется в виду объект именно сексуальный (иногда игра так и называется — «поймал-имей»)... Мы отвлеклись, а события уже начинают продолжать своё течение вдоль времени после долгой паузы, а вы ещё не понимаете ни хера. Оставьте палатку, палатка — не главное. Всмотритесь — я показываю пальцем. Дальний угол отсека. Ближе, ближе, обойдите палатку, обопритесь на консоль. Кого там тошнит? Вон отсюда. Что вы видите? Решётка настила в углу грубо взрезана (автогеном? лазером?), взрезаны и переборки, и потолок. В треугольные прорезы криво вставлен и закреплён массивными скобами огромный равнокрылый деревянный крест. Отмах крыла — два метра. Крест стоит косо, как удалось втиснуть, дыр нарезали больше, чем требуется, не сразу сообразили, как делать, где резать. Экс-

периментировали: резали, ошибались, заводили концы крыльев, вытаскивали, снова резали, заводили, крепили стальными полосами. На кресте — крестом — человек. Крест велик человеку. Крест стоит косо, основанием вперёд, человек как бы навзничь полулежит на нём.

Мне известно, что крест деревянный, что на нём человек, поэтому я и сказал вам об этом; но на вид всё неочевидно, верно? дерева не видно совсем, человека положили на крест и сплошь, плотно, словно пластырем, обмотали, и его, и крест, — вечной в Космосе РСМ-тканью, сверху прихватив свёрток металлопластырем (помните подключения унимодуля? С того же самого мотка). Свободна от покровов только ладонь левой руки, но и она не гола, на ней зачем-то надета перчатка от спецкостюма.

Безусловно — на кресте если не манекен Иван Иваныч с магнитофоном «Яуза» в заднице, то труп. Как может быть иначе? Год без дышать? Два года? (Три, как уж было сказано.) Это ещё ничего, но — восхождение в зенит, затем схождение. Несомненно, труп. Хорошо, труп, договорились, все согласны. Но и что? Мало ли на Трассе странных обычаев? А приказ Императора об обязательном захоронении павших космачей Трассы на Земле — забыли? Что у верблюда не кривое? В чём соль, зачем я привёл вас сюда? Да вот в чём, вот зачем, вот что: перчатка шевельнулась. И — неслышно за шумом климатизации — вой раздался из-под покровов. Куда же вы? Не надо бояться, я же с вами. А, вас тоже тошнит. Это ничего, в общем-то. Дело человеческое.

Слушайте.

Человек на кресте воеет носом и глоткой недолго. (Собственно, и выль-то не он, а его тело.) Стоило всплыть откуда-то снизу в мозг первой мысли — вой прекращается.

«Не открывай глаза!»

Первая сильная мысль, не словами выраженная. Она прорывает плотину из чёрного ничто. Хлещет река в пролом. Пошли слова, покамест наполоам с образами и body memoгу, словами невыразимыми. «Я живу... жил на реке. Было только что, ещё кожа помнит ветер и комаров. Дом на плоту. Тонкие брёвна. Жара. Жалюзи. Я сам резал тростник для них. Долго ладил. Порезался. Плавучий дом. Я жил... плыл... жил — плывя... плывя — в гости. Жил — в гости? Меня ждала женщина. Все годы жизни на реке. Маяк на острове. Река впадала в море, остров посередине... впадения. Оставалось до острова чуть, два речных поворота... Да, оставалось недалеко: я уже неделю видел и ловил морских рыб в реке. Ко мне приходили демоны, мы общались с ними, они подтверждали — море рядом. Что вдруг произошло? Я же только что брился перед жёлтым зеркалом под тростниковым навесом. Где я?»

«Не двигаться!»

Вторая сильная мысль. Вспышкой возвращается контроль над телом, но тело что-то держит... сжимает... опутывает снаружи. Обездвиженность и слепота не пугают распятого человека: он тренированный клаустрофил, истый космач, рождённый на Трассе. Это умнее разума. «Я не могу двигаться и нельзя двигаться. Нельзя — поэтому и не могу. Так и должно быть. Мне не впервой (подсказывает память, данная пока в ощущениях)... Нет. Не весь я не могу двигаться. Рука — свободна. Сжать, разжать... Я вспоминаю. Рука *оставлена* свободной... левая рука (я левша; привет, левша!) зачем?.. *Леска!* Что значит — *леска?* На кольце леска. Какое кольцо? Перчатка. Снять перчатку.

«Сейчас я сниму перчатку».

Через некоторое время ему удаётся, сжимая кулак, освободить пальцы из пальцев перчатки. После этого перчатка снимается как-то очень легко и пропадает в окружающей его гигантской темноте. На одном из пальцев... на большой палец надето большое свободное кольцо. Другим пальцем... указательным

пальцем он проводит по ободку кольца и чувствует леску, прикреплённую к кольцу, и мгновенно он давит едва не стартовавший рефлекс снять кольцо, перехватить кольцо в щепоть и рвануть, как чеку катапульты или парашюта. Собственно, кольцо и есть чека, думает он. А рефлекс подавлен другим, *базовым*: время не горит, сначала проверь в памяти последовательность спасательной процедуры, rept её, *подготовь* порыв, прежде чем... Спасательная процедура. Кого спасаем? Меня же и спасаем. Так. Первое. Без паники и не открывать глаза. Чек. Второе. Самоидентификация. Не очень, но без истерики. Чек. Третье. Снять со свободной руки перчатку. Сделано. Четвёртое. Определить кольцо с прикреплённой к нему леской. Определили. Выбрать слабинку лески — по направлению от себя. И сильным движением, поворачивая запястье, от себя же, за кольцо, вот теперь — рвануть!

Керамическая проволока взрезает РСМ-ткань от запястья до локтя. Предплечье отваливается от дерева. Человек длит движение, проволока (он ощущает кожей) с треском проходит — ткань, с хриплым шелестом — металлопластырь, по плечу, через грудь (освобождение! освобождение!), через правое плечо... локоть... запястье... указательный палец... Обе руки свободны.

Он сводит их перед собой и бьёт в ладоши. Звук — ушами снаружи, отсек надут. Он внимательно ощупывает грудь, голову, бёдра. На лбу (рука узнаёт лоб, но сам лоб из-под ткани кокона прикосновения руки не чувствует) второе кольцо. Оно — леска, прикреплённая к нему, — разрезает РСМ и металлопластырь по вертикали ото лба до груди. Стоит трудов удержать голову на месте, а глаза — закрытыми (он не сообразил пока, но на нём непрозрачная полумаска). Третье кольцо он отыскивает в паху. Пах — грудь, рывок снизу вверх. Он двигает плечами, толкается низом спины и вырывает торс из кокона, в плену теперь лишь ноги. Глаз он не открывает, постоянно помня, что их нельзя

открывать (а полумаски на лице по-прежнему ещё не определил). Четвёртое, крайнее кольцо на левом бедре. Леска, прикреплённая к этому кольцу, разрезает кокон вниз по бедру к носкам ног.

Неотошедшие части кокона удерживают его у креста.

Довольно долго он возит руками по своему телу, глубоко просовывая их под бахрому на краях разрезов. Мануальная разведка помогает понять, что на нём защитное гофрированное трико, на лице — наконец — маска, во рту — капа, а на правом локте — системная насадка, а подбородок весь в щетине. Он глубоко вдыхает носом. Хороший воздух, дышали и хуже. Никакой боли, слежавшиеся лёгкие раскрываются легко. Он выдыхает. Размявшийся кокон больше не может его удерживать. Невесомость плавно снимает его с креста и, переворачивая навзничь вниз головой, неторопливо несёт куда-то вперёд. Расслабленное тело немедленно принимает позу кучера.

Сейчас необходимо удалить из-за губ капу. Ногти отросли. Не поранить губы. Себя надо беречь, всякий ты очень ценен. Так учат нас Земля и всё, что с ней связано. Учат инструкциями, повелениями, культурной политикой и — оружием.

Пальцам он помогает языком, и вторая попытка удачна. Капа сразу навсегда исчезает, и сразу идёт слюна. Много слюны. Он и ощущал, и почти уже *помнил*, что много слюны — хорошо, правильно, *штатно*, но слюна липкая, тягучая, плохая на вкус, *имеющая* вкус, хочется выплюнуть её наружу, не глотать, но он глотает — «лучше внутрь её, чем лови её». Стишок про невесомость, впрыгнув в голову, отвлек и сбил с толку. Он «выронил листочек» на какое-то время. Но это время не паниковал он, не напрягался, отвлекая панику и напряжение доступными для восприятия вещами, простыми движениями, честными мыслями. Воздух хороший, полный, влажный, ионизированный даже. Слюна сглатывается хорошо, хоть и противно. Конеч-

ности под контролем. Он трогал себя за щёки, разевал рот, сгибал и разгибал руки, сгибал и вытягивал ноги. Стащил с головы полумаску (собственно, глубокий колпак из медицинского пластика). Поднял веки, опустил веки, проанализировал результат. Зрение не на сто, объём, внутри которого человек находился, за секунду видения не сфокусировался, до переборки могло быть много, могло быть — рукой достать. Так. Сколько прошло времени. Вопросительный знак. «Плавают все, ибо таков закон...» Со стихом пора что-то делать, не даст работать. Он медленно прочитывает стихок с начала до конца, ставит в последней строке восклицательный знак — и сразу понимает, что дальше. Точней, он совершает действие, осознавая, что понимает его по мере его совершения. Ребристый барабанчик системной насадки. Он давит на него. С чмоком присоска отделяется от кожи. Боль. Он поворачивает барабанчик, отрывая швейник прокладки от ткани рукава трико, тянет по направлению к ногам, выводя глубокую мягкую иглу из вены. Ему больно, больно, больно. Та боль, что возникла от удара света, была не боль. Вот боль. Первая боль, первое внятное «верхнее» ощущение. И стихка как не бывало.

«Я проснулся. Река, дом на плоту, все сто тридцать «жил-плыл» счастливых лет на реке, в пути — сон. Наркосон. Наркаут. Нет женщины, нет псов, охраняющих остров, нет самого острова в устье реки... Устье? То есть где она впадает в море? Меня зовут не Ваарл. Меня зовут Марк».

Без аффектации он открывает глаза (просто — открывает их) и рассматривает место укола, приблизив локоть к лицу. Синяк, набухшая кровью вена, к коже прилипла и сокращается капелька. Боль отдаёт уже в кость. Он склеивает щепотью швейник, прижимает его к ране. Что-то происходит. Мир сдвигается, мир поворачивается, и вдруг Марк оказывается на полу, громко каркаяще вскрикнув от удара и неожиданности. В момент подачи тяги его тело было вниз голо-

вой по отношению к палубе, но повреждений Марк не получил, закричав от неожиданности и испуга, и это есть первый звук, изданный им после реанимации... Ему повезло, как редко везёт космонавту в подобной ситуации. Момент подался опасный, за единицу, Марк сверзился почти с полутора метров на плечо — затылок — спину, но не травмоопасная консоль встретила падение ребром или гранью, а какая-то толстая, мягкая, словно ватином набитая, тканевая масса. И острое осознание везения становится первой его настоящей «верхней» мыслью после воскрешения. Мог бы и сломаться. Второй мыслью становится: «Корабль, сука, предупреждать в отсеки на подачу тяги — где?!»

Марк долго лежит. Ждёт. Тяга стабильна, без боковых подач, освещение в отсеке цвет и интенсивность не меняет. Это надолго. Не вспомнить пока полётное задание точно. Но какая-то длинная коррекция, несомненно — разгон. Он рискует сесть. Понимает, что не заметил когда, но окружающий его объём больше не фонит, сфокусировался, ощутился и усвоился кубометраж, сто — сто десять кубов. Марк отмечает предметы, попадающие в поле зрения, и называет их про себя. Люк в воронке шлюзового адаптера. Швы фальшь-панелей. Светильники, один, два, три и дальше. Намордник распределительного щита. Шкаф. Ещё шкаф. Насест. Ещё один насест торчит из шкафа, сложенный. Вижу, дышу, ощущаюсь. Норма. Реанимант в порядке... Или нет? Почему молчит медсерв? Или я сам должен себя вербально обозначить, включить в контакт? Марк набирает рабочую порцию воздуха.

— Реанимант — медсерву, — говорит он и прислушивается, договорив. Без ответа. Нештат. Повреждение? Или так задано? Кто программировал наркаут? Он проверил уши. Нет, воска в ушах нет. Зачем мертвецу воск в ушах? Гуляй, вакуум.

— Реанимант — к связи медсерва! — удвоив громкость, повторяет он.